

УДК: 338.242.004.9

ДОМАКОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЕНИАМИНОВИЧ

НОРМАТИВНОЕ ВНЕДРЕНИЕ «ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ» В РОССИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

АННОТАЦИЯ

Состояние вопроса: Термин «*Being Digital*», в переводе с английского буквально означающий «цифровое существо», впервые появился на Западе в 1995-ом г. и был осознанно введен в обиход американским ученым Негропонте Николасом в связи с активным внедрением нанотехнологий, которые настоятельно потребовали представления информации в виде «цифры». В то же время задача представления некоторой непрерывной величины в виде ее цифровых значений не является новой для научного мира: впервые она была успешно решена в теории функций выдающимся советским математиком Котельниковым В. А. и давно активно используется в теории информации. Тем не менее, в России с убедительной опорой на Запад решили приложить «идеи» Негропонте Николаса для стабилизации условий бытия и хозяйствования, которые получили у нас название «цифровая экономика». Однако представить российскую «экономику» в виде некоторой «непрерывной функции времени» не только не удалось никому, но даже не было попыток сделать это.

Результаты: Узаконенное использование в настоящее время в России словосочетания «цифровая экономика» – это всего лишь очередная «поддержка» в рамках реализуемого правления хрематистики как таковой без учета реальной меняющейся среды бытия и хозяйствования, направленное под прикрытием внебюджетных затрат на фактическое использование бюджетных средств в интересах предприимчивой части общества посредством усилий специально созданного министерства.

Применение «дискретной техники» и соответствующего программного обеспечения имело место еще в 60-е годы прошлого века, которые использовались в основном для автоматизации процесса принятия решений, являющегося одним из этапов процесса управления. Поэтому применительно к настоящему времени сферу применения «дискретной техники» в хозяйственных и иных процессах можно существенно расширить, обеспечивая автоматизацию всех этапов функциональной структуры, отображающей метод «управлять» на основе обратной связи, который может быть реализован с помощью соответствующей организационной структуры, включающей в себя источники информации, устройства принятия решения, объекты управления и отношения между ними.

Область применения результатов: Полученные результаты могут широко использоваться при обеспечении жизнедеятельности и общества, и его предприимчивой части при переходе от правления к управлению на основе принципа «обратной связи», который «имеет одну и ту же природу в живых организмах и машинах». На этой основе применение дискретной техники и ее программного обеспечения может дать гарантированный успех при автоматизации различных сторон хозяйственной деятельности и военного дела и, прежде всего, процесса управления ими с целью обеспечения интересов и общества, и его предприимчивой части.

Выводы: Узаконенное внедрение в России словосочетания «цифровая экономика» очередной раз формирует весьма благоприятную основу для получения в рамках хрематистики прибыли предприимчивой частью общества, после окончательного обогащения которой должно будет наступить всеобщее благоденствие, при этом предпринимательские риски полностью гарантируются бюджетными средствами, а потому речь, безусловно, должна идти только о применении дискретной техники и ее программного обеспечения для автоматизации различных сторон хозяйственной деятельности и военного дела и, прежде всего, процесса управления ими с целью обеспечения интересов и общества, и его предприимчивой части.

Ключевые слова: применение цифровой техники; автоматизация процесса управления; меняющиеся условия бытия и хозяйствования; управлять; хрематистика; стабильные условия бытия и хозяйствования; править; экономика; цифровая экономика; электронная экономика; виртуальная экономика.

ДОМАКОВ V.V.

NORMATIVE INTRODUCTION OF THE «DIGITAL ECONOMY» IN RUSSIA AND ITS EFFECTS

ABSTRACT

State of matter: The term «*Being Digital*», literally meaning «*digital essence*» in English, first appeared in the West in 1995 and was deliberately introduced by the American scientist Negroponte Nicholas in connection with the active introduction of nanotechnology, which urged the submission of information in the form of a «figure». At the same time, the problem of representing a continuous quantity in the form of its digital values is not new for the scientific world: it was first successfully solved in the theory of functions by the eminent Soviet mathematician V. A. Kotelnikov and has long been actively used in information theory. Nevertheless, in Russia, with a strong reliance on the West, they decided to use the «ideas» of Negroponte Nicholas to stabilize the conditions of life and management, which we got the name «*digital economy*». However, it was not possible to imagine the Russian «*economy*» in the form of some «continuous function of time», but there were not even attempts to do so.

Results: Legitimate use now in Russia of the phrase «*digital economy*» is just another «support» within the framework of the implemented board of chrematistics as such, without taking into account the real changing environment of being and management, directed under the cover of extra budgetary costs for the actual use of budgetary funds in the interests an enterprising part of society through the efforts of a specially created ministry.

The use of «discrete technology» and the corresponding software took place in the 1960s, which were used primarily to automate the decision-making process, which is one of the stages of the management process. Therefore, with respect to the present time, the sphere of application of «discrete technology» in economic and other processes can be significantly expanded, providing automation of all stages of the functional structure that reflects the «manage» method based on feedback, which can be

implemented with the help of an appropriate organizational structure, which includes sources of information, decision-making devices, management objects and relations between them.

The scope of the results: The results obtained can be widely used in providing life and society, and its enterprising part in the transition from government to management based on the principle of «feedback», which «has the same nature in living organisms and machines». On this basis, the use of discrete technology and its software can provide a fortuitous success in the automation of various aspects of economic activity and military affairs and, above all, the management process for the purpose of ensuring the interests of both society and its enterprising part.

Conclusions: Legalization of the use of the phrase «digital economy» in Russia once again forms a very favorable basis for obtaining profit within the framework of the chrematistics of profits by an enterprising part of society, after its final enrichment, universal prosperity should come, while entrepreneurial risks are fully guaranteed by budgetary means, of course, should only go about using discrete technology and its software to automate various aspects of economic activity and, above all, the process of governing them with the aim of ensuring interests and society, and its enterprising part.

Keywords: application of digital technology; automation of the management process; changing conditions of life and management; to govern; chrematistics; stable conditions of life and management; edit; economy; digital economy; electronic economy; virtual economy.

*Неправильность употребления слов
ведет за собой ошибки в области мысли
и потом в практике жизни.*

Д. И. Писарев

Термин «*Being Digital*», в переводе с английского буквально означающий «цифровое существо», впервые появился на Западе в 1995 г. [14]. В связи с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и началом процесса активной информатизации, вызванного формированием так называемого VI технологического уклада, этот термин совершенно осознанно был введен в обиход американским ученым Негропonte Николасом (США, Массачусетский университет) в качестве востребованного специального понятия. Появление и развитие этого VI уклада, который был определен как «совокупность сопряженных производств, имеющих единый технический уровень и развивающихся синхронно», оказалось порождено появлением нано- и биотехнологий, наноэнергетикой, клеточной и ядерной технологиями, нанобиотехнологиями, биомиметикой, нанобионикой, нанотроникой и другими наноразмерными производствами; новой медициной, бытовой техникой, видами транспорта и коммуникаций, использованием стволовых клеток, инженерией живых тканей и органов, восстановительной хирургией и медициной и т. п., которые и потребовали представления используемой ими информации в виде «цифры», т. е. использования именно их «цифрового существа».

Однако в целом задача представления неко-

торой непрерывной величины в виде ее цифровых значений не является новой для научного мира, и тем более ее общая постановка никак не может быть связана с именем Негропonte Николаса, который всего лишь, и надо отдать ему должное, успешно привязал ее к нанотехнологиям. Впервые же еще в теории функций выдающимся советским математиком Котельниковым В. А. было доказано, что некоторая аналоговая величина, представляющая собой непрерывную функцию времени $f(t)$, которая ограничена по полосе частот от 0 до W герц, может быть представлена некоторым множеством ее ординат в дискретной последовательности точек, отстоящих друг от друга на $\frac{1}{2W}$ секунд [20, С. 295]. Это, по сути, и есть известная «теорема Котельникова», давно используемая в теории информации, которая гласит: «Если функция не содержит частот выше W гц, то она полностью определяется своими мгновенными значениями в моменты, отстоящие друг от друга на $\frac{1}{2W}$ сек.» [20, С. 435].

Фактически теорема Котельникова позволяет на передающем устройстве, ничего не меняя в известной непрерывной функции времени $f(t)$, представить ее в виде цифровых значений в дискретных точках, отстоящих друг от друга на $\frac{1}{2W}$ сек., передать эти цифровые значения, а на приемном конце восстановить саму непрерывную функцию времени $f(t)$. Практическим примером такого дискретного (цифрового) представления некоторой непрерывной величины и стало его использование в военном деле в средствах

радиоэлектронного подавления, при переходе от «аналогового» телевидения к цифровому телевидению и т. п.

Однако практика показала, что внедрение нового предопределяет не только ход научно-технического прогресса, но и инерция мышления общества: новое, как правило, появляется значительно раньше их массового освоения. Более того, существенный негативный вклад в использование нового вносит так же и инерция мышления остепененных научных экспертов, руководителей всех рангов, которые основывают свою практическую деятельность на старых теоретических представлениях, а потому в принципе не приемлют никаких новых теорий, которые, являются «умозрением, умозаключением; заключением, выводом из чего-либо ...» [6, С. 229], и, по мнению выдающегося математика Д. Гильберта, представляют собой своего рода модель, в основу которой должны быть положены сущностные, определяемые реальной действительностью признаки ... Поэтому, как было замечено, часто бывает так, что люди, которые принимают решения, в том числе и нормативные, не знают, что они делают, поскольку право – это всего лишь «охраняемая государством, узаконенная возможность» [15, С. 468].

Так, в России с убедительной опорой на Запад решили приложить «идеи» Негропonte Николаса к стабилизации условий бытия и хозяйствования. Предположение о том, что среда бытия и хозяйствования имеет стабильный характер, была всем понятна и всегда легко увязывалось со смыслом и ценностью жизни людей в обществе, с проблемами их существования в мире, с самим человеком, его сущностью и предназначением. Стремление иметь такие стабильные условия гарантированного существования дополнялось априорным предположением о наличии такой стабильности. Оно с незапамятных времен предопределяло применение метода «править», выступающего сегодня в России под названием «государственное и муниципальное управление», которое реализуется у нас в форме «президентской власти».

По Далю В. И. метод «править» всегда означал «исполнять или совершать, соблюдая должное» [5, С. 307], т. е. не выходить за рамки того, что уже было, сохраняя тем самым стабильность условий бытия и хозяйствования, которые обеспечивались посредством «нормативного регулирования». В этой ситуации на уровне федерации, субъектов федерации и муниципальных образований единственно возможной действительно оказывается персонализация такого правления, его насильственный характер, такие его исторические стадии, как интердикция (ограничение, запрещение; подавление), инфлюация (влияние), в первую очередь в виде суггестии, т. е. внушения; рациональное регулирование совместных действий, совместного труда людей и т. п. [9, С. 6], при этом неминуемо возникающие промахи и ошибки даже гениальных правителей всегда легко компенсировались за счет общества, которое во все времена все это за неимением ничего лучшего всегда почему-то устраивало.

При реализации метода «править» стабильность условий бытия и хозяйствования обычно достигалась использованием людьми специальных видов обеспечения их жизнедеятельности, которые рассматривались как своего рода искусство, т. е. «умение, мастерство, знание дела» [15, С. 215]. Так применительно к ячейке рабовладельческого общества – семье великий древнегреческий мыслитель Ксенофонт (греч. Ξενοφών) ввел понятие *Économique* (от греч. *oikos* – дом, хозяйство и лат. *nomos* – правило) – «экономика», которое у него буквально означало «искусство ведения домашнего хозяйства», позволяющее семье стабильно выживать в рамках рабовладельческого общества [13], а применительно к самому рабовладельческому обществу другой древнегреческий мыслитель Аристотель (древнегреч. Ἀριστοτέλης) ввел понятие «хрематистика», которое у него буквально означало «искусство, создающее богатство и деньги» [16; 1, С. 7] рабовладельцами за счет труда рабов [10, С. 6] и которое, по сути, позволяло при таком рабовладельческом строе выживать большинству людей в предположении, что как только рабовладельцы обогатятся, то сразу же наступит и всеобщее благоденствие.

Впоследствии по мере укрепления такой «стабильной» библейской цивилизации понятие «хрематистика» на практике постепенно применяться перестало, в дальнейшем практически было утрачено, а саму «хрематистику» стали называть за рубежом «политической экономией», затем «экономиксом», а в РФ – «экономикой». Кроме того, в настоящее время в России понятием «экономика» так же обозначают:

– «совокупность экономических (производственных, общественных) отношений» [11, С. 51]:

<совокупность экономические (производительные, общественные) отношения> ::=

::= <совокупность <собственности как отношения собственников к объектам

собственности как к своим, а всех остальных к ним как к чужим>;

<отношения людей при производстве>; <отношения людей при обмене>;

<отношения людей при распределении>> (1);

– «экономический базис общества» [2, С. 602] (общественный строй производства [17, С. 8]):

<экономический базис (общества общественный строй)> ::=

::= <<совокупность производственных отношений>>

≡ <система производственных отношений>> (2);

– «народное хозяйство данной страны или его части, включающее соответствующие отрасли и виды производства» [2, С. 602]:

<народное хозяйство данной страны или его части> ::=

::= <<отрасли производства > & <виды производства>> (3);

– «структуру финансово-материального состояния какой-либо отрасли хозяйственной деятельности» [11, С. 173]:

<финансово-материальное состояние какой-либо отрасли хозяйственной деятельности> ::=

::= <<финансовое состояние>; <материальное состояние>;

<связь финансового состояния и материального состояния>> (4).

Ошибочность российского представления понятия «хрематистика» в условиях надуман-

ной, но активно используемой на практике «стабилизации» бытия и хозяйствования кроме того прямо следует из дефиниции «структура», под которой следует понимать «совокупность некоторых элементов, групп элементов и отношений (связей) между ними, которые отражают порядок и последовательность их работы» [9, С. 16]. Это означает, что российская «экономика» не может представляться либо только в виде «экономических (производственных, общественных) отношений», включающих в себя сегодня «собственность (присвоение) на средства производства, составляющая их основу, а также отношения обмена и распределения» [17, С. 8], либо только как «совокупность некоторых элементов, групп элементов», а именно «народного хозяйства данной страны или его части», либо только как «взаиморасположение» финансового и материального состояния» [3, С. 13]. Кроме того, такие понятия как «совокупность» и «система» имеют принципиальное различие, ибо «совокупность» только тогда становится «системой, когда имеет место «взаимодействие ее взаимосвязанных элементов» [19, С. 23 – 82], так что «системный подход» – это вовсе не «исследование объекта с разных сторон, комплексно ...» [12, С. 26], при этом любая «система» обязательно имеет структуру, которой, увы, не обладает «совокупность».

Ситуация усугубляется еще и тем, что реальная среда бытия и хозяйствования является постоянно меняющейся и представляет собой «любые компоненты, неподконтрольные субъектам, которые, однако, способны к активному воздействию на нее, на общественные процессы в ней» [9, С. 5]. Вот в такой реальной меняющейся среде бытия и хозяйствования, которая с указанными специфическими особенностями воспринимается всеми почему-то как стабильная, и стала у нас активно реализовываться цифровизация российской «экономики», которая привела к появлению в России нового словосочетание «цифровая экономика».

Симптомы «цифрового существования» в хозяйственной деятельности в России впервые были замечены и озвучены в 2016 г. Всемирным банком

в «Докладе о мировом развитии – 2016: цифровые дивиденды», в котором отмечались «такие признаки цифровизации в России, как открытые данные, система электронного правительства, работа отечественных цифровых гигантов, как «Яндекс», «Касперский», службы онлайн-заказов, сокращение срока регистрации прав собственности при помощи информационных технологий до 10 дней».

Начиная с мая 2017 г., Указом Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» № 203 от 9 мая 2017 г. (Стратегия) началось без учета указанных выше особенностей уже нормативное внедрение «цифровой экономики» в России, для чего во исполнение этого Указа была разработана «Программа «Цифровой экономики Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р (Программа).

В последнее время с подачи Президента РФ Путина В. В. тема построения российской «цифровой экономики» стала «топовой»: о ней говорят на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам при Президенте РФ, о ней говорят и на экспертном, и на бытовом уровне. Такой интерес к «цифровой экономике» сразу же определил ее «научную значимость» и был подтвержден [21, С. 3–4]:

«– неограниченностью коммерческих площадок в интернете, развитием интернет – торговли, финансовых (фондовых и валютных) бирж;

– уменьшением размера компаний для успешной конкуренции на рынках, развитием горизонтальных систем управления¹ и появления виртуальных предприятий (фирм) и организаций, называемых также как «киберкорпорациями»;

– многократным использованием одного и того же физического, трудового и других ресурсов для предоставления различных услуг в рамках облачной инфраструктуры предприятия, специализированных региональных кластеров цифровой экономики и цифровой экосистемы;

¹ По сути, не «управления» на основе обратной связи, а «правления», имеющего содержание программного (разомкнутого) регулирования и форму власти.

– ограниченностью масштаба операционной деятельности только размерами интернета;

– превращением клиента в некое «божество» для цифровой экономики, т. е. фетишизация его (*client*);

– все возрастающим экономическим эффектом отцифрованной продукции, в том числе за счет снижения издержек производства;

– появлением новых точек экономического роста и «цифровых долин»».

Все это позволило Президенту РФ Путину В. В. и Премьер-министру РФ Медведеву Д. А., всегда проявлявшему огромный интерес к различным гаджетам, утвердиться во мнении, что Россия, наконец, стала технологически продвинутой и инновационной страной, и, «позабыв о модернизации, инновациях и прочих словах», поднять уже в период предвыборной гонки 2018 г. новое знамя – строительство упомянутой российской «цифровой экономики» [4].

Термин «цифровая экономика», сущность которого определяется его смысловым наполнением, был узаконен Стратегией, где «цифровой экономикой» была названа «хозяйственная деятельность, в которой *ключевым фактором производства* являются данные в *цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность*² различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». Созданная на основе такой стратегии Программа стала исходить уже из того, что «цифровая экономика» представляет собой «хозяйственную деятельность, *ключевым фактором производства* в которой являются данные в *цифровой форме, и способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры РФ, созданию и применению*

² Эффективность – это степень соответствия полученного результата сформулированной цели и поставленным с учетом реально обстановки для ее достижения задачам.

российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы». Но ведь такими же «цифровыми данными» пользовались испокон веку, а потому обозначать по этой причине действующую в России «экономику» новым названием «цифровая экономика» нельзя считать приемлемым.

Изложенное показывает, что приведенные в указанных нормативных документах дефиниции «цифровой экономики» как «хозяйственной деятельности», следует воспринимать как некий набор слов, который, как видно, используется в качестве синонимов, но при этом имеет различный смысл и естественно несет различную смысловую нагрузку. Эта мысль подтверждается и тем, что на практике качество такой «хозяйственной деятельности» по-прежнему оценивается по специально разработанным и подобранным функционально-зависимым макроэкономическим показателям, которые являются численным выражением выбранных критериев, и по факту усредняют участие в такой деятельности предпринимчивой части общества и остального «продающего свой наемный труд населения». К их числу относят [7, С. 202–203]:

- валовой национальный продукт (ВНП), представляющий рыночную ценность всех конечных благ, произведенных в стране в течение года;
- внутренний валовой продукт (ВВП), охватывающий результаты деятельности на территории данной страны всех экономических субъектов независимо от их национальной принадлежности и равный сумме ВНП и результатов деятельности на территории данной страны всех экономических иностранных субъектов;
- чистый национальный продукт (ЧНП), представляющий собой сумму конечной продукции и услуг, оставшуюся для потребления после замены списанного оборудования и равный разнице ВНП и суммы амортизационных отчислений;
- национальный доход (НД), характеризующий, без учета косвенных налогов на бизнес, величину доходов всех поставщиков производственных

ресурсов, с помощью которых создается ЧНП, т. е. НД равен ЧНП за вычетом косвенных налогов;

- личный доход (ЛД), характеризующий суммой денег, поступающих на цели личного потребления населения, отражающий перераспределительные процессы в движении НД и равный: НД за вычетом налогов на прибыль корпораций, объема нераспределенной прибыли и величины взносов на социальное страхование и расходов на трансфертные платежи населению: пенсии, стипендии, пособия;

- располагаемый доход, который население может тратить по своему усмотрению, равный: ЛД за вычетом общего объема налогов, выплачиваемых населением;

- национальное богатство (НБ), представляющее собой совокупность материальных благ, которые накоплены в стране на данный момент времени:

- имеющиеся в обществе средства производства, функционирующие как в материальном, так и духовном производстве;

- имущество населения;

- материальные и культурные ценности, являющиеся общественным достоянием (музейные экспонаты, все недра, леса и водоемы);

- нематериальные духовные ценности (человеческий капитал, достижения научно-технической мысли, информационные ресурсы, духовное наследие нации).

С помощью перечисленных макроэкономических показателей, но без специального научного обоснования их пороговых значений [9, С. 279–282] пытаются измерить итоговые результаты (эффективность) развития государства (вместе общества и его предпринимчивой части) за всю историю его существования, которые ежегодно пополняются и обновляются за счет производимого большей частью общества продукта. Кроме того, в популистских целях такая жизнедеятельность весьма часто оценивается в процентах без указания абсолютной величины, от которой этот процент берется, а также по темпам роста, которые по понятным причинам не могут характеризовать фактическое состояние дел по обе-

спечению благосостояния каждого из большей части общества и из его предприимчивой части ...

Сегодня в России общедоступный интернет стал определять «цифровую экономику» как «экономическая деятельность, основанную на цифровых технологиях» [4], при этом ниже поясняется, что «речь идет не столько о разработке и продаже программного обеспечения, сколько об электронных товарах и сервисах, производимых электронным бизнесом и электронной коммерцией» [4]. Отсюда делается вывод, что в России «цифровая экономика – это тот же *eCommerce*, только в масштабах страны, состоящий из множества отдельных *e-коммерсов*, от мала до велика» [4].

Такое понимание «цифровой экономики» позволило в Программе представить ее совокупностью трех уровней, «которые в своем тесном взаимодействии влияют на жизнь граждан и общества в целом:

– рынки и отрасли экономики (сферы деятельности), где осуществляется взаимодействие конкретных субъектов (поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг);

– платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики (сфер деятельности);

– среда, которая создает условия для развития платформ и технологий и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики (сфер деятельности) и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность».

Становится очевидным, что говорить «о тесном взаимодействии» указанных уровней без структурного определения отношений между ними в принципе невозможно. Более того, поскольку по определению коммерция – это «торговля, торговые операции» [15, С. 241], то речь здесь идет, безусловно, фактически о продаже и покупке товаров и услуг, связанных с программным обеспечением и реализующей его электронной техникой.

Действительно, под «работой» обычно понимают «производственную деятельность по созданию, обработке чего-нибудь; продукт

труда, готовое изделие» [15, С. 515.]. Это означает, что продаваться и покупаться может как сама «производственная деятельность по созданию, обработке» программного обеспечения и электронной техники, так и «продукты труда, готовые изделия», т. е. само программное обеспечение, ключи его активации, платные подписки на обновления и т. п.; результаты функционирования этого программного обеспечения так называемый медиа-контент: электронные книги, фильмы, музыка, игры, аккаунт в игре, игровые деньги, *webmoney*, хостинг, почта, *ip-телефония* и т. п., а также реализующие это программное обеспечение электронные товары и сервисы [4].

Известно так же, что от работы «услуга» отличается тем, что она означает «действие, приносящее пользу другому, оказывающее помощь» [15, С. 671]. Отсюда следует, что здесь «действие, приносящее пользу другому» может охватывать, например, услуги системного администратора по обслуживанию сервера, услуги дизайнера и веб-мастера по созданию сайта, а «действие, оказывающее помощь», – с услугами получить «доступ на какой-нибудь сайт (форум, портал), с услугами разного рода консультантов, оказываемыми через сеть (юристы, бухгалтера, психологи), с дистанционным образованием и т. п. [4], которые так же могут продаваться и покупаться.

Продвижение в этом направлении такого смыслового наполнения словосочетания «цифровая экономика» позволяет считать, что «хозяйственная деятельность» у нас будет и не сырьевой, и не производственной, а по факту «продажно-цифровой».

На этой «совокупной», но, увы, не системной базе, основу которой «составляет взаимодействие, увы, невзаимосвязанных элементов», Программа стала содержать преимущественно секторальные цели, а именно создать минимум 10 высокотехнологичных ИТ-предприятий, 10 «индустриальных цифровых платформ для основных отраслей экономики» (образование, здравоохранение и т. д.), 500 малых и средних предприятий в сфере цифровых технологий; обеспечить ежегодный выпуск 120 тысяч дипломированных ИТ-специ-

алистов, предоставить 97% российских домохозяйств широкополосный доступ в интернет со скоростью не менее 100 МБит/с (в 2016 г. средняя скорость равнялась 12 МБит/с); сделать так, чтобы 95% сетевого трафика шло через отечественные сети; наладить во всех городах-миллионниках устойчивое покрытие 5G и добиться того, чтобы доля России на мировом рынке услуг по хранению и обработке информации была бы 10% (сейчас – менее 1%). И все это будет обеспечиваться ежегодным финансированием по 100 млрд. руб. из государственного бюджета, а итогом реализации программы должно стать снижение доли иностранного компьютерного и телекоммуникационного оборудования, закупаемого госорганами, до 50%, а программного обеспечения – до 10% [4].

В то же время следует заметить, что нефть, из которой сделано приобретенное в интернет-магазине моторное масло, шелковый шарф или гамбургер – это сырье; производство товара, который доставляет интернет-магазин, а также транспорт, который его доставляет, – это реальный сектор; сам сервис по выбору товаров в интернет-магазине, возможность оплатить его электронными деньгами или банковской картой, сервис по отслеживанию доставки, т. е. все, что можно купить и продать, не отходя от компьютера, получить и использовать через компьютер (планшет, смартфон) – все это электронные продукты, составляющие такую «цифровую экономику», при этом интернет-магазины, которые торгуют реальными продуктами и услугами, оказываются на стыке между такой «цифровой экономикой» и реальным сектором с его продуктами питания, одеждой, стройматериалами и т. д. [4].

Отсюда естественно следует, что в таком понимании сама «экономическая деятельность, основанная на цифровых технологиях» [4], получившая в России название «цифровая экономика», сама по себе, без сырьевого и реального секторов, без производства, которое превращает сырье в продукты, без сельского хозяйства и без транспорта, доставляющего сырье на завод, продукцию на склад и товары со склада в магазин или

к вам на дом – существовать не может, а потому указанная «цифровая экономика» в принципе не может восприниматься как некое целостное хозяйство, а в таком контексте может рассматриваться всего лишь как некий его сектор, состоящий из купли-продажи электронных товаров и услуг.

Наконец, следует заметить, что в последнее время «цифровая экономика» стала определяться просто в виде «виртуальной среды, дополняющей нашу реальность», а совсем недавно возникло даже новое ее толкование: было предложено «цифровую экономику» рассматривать как дополнение к существующей ныне в России «аналоговой экономике», под которой предлагают понимать «хозяйственную деятельность общества, а также совокупность отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления» [4] и считать, что это дополнение «способно подтолкнуть развитие реальных секторов» [4].

Вот в условиях такой неопределенности со смысловым наполнением словосочетания «цифровая экономика» Правительство РФ и утвердило планы по ее созданию с объемом финансирования около 520 млрд. руб.: из них около 150 млрд. руб. должны быть выделены из бюджета, а более 300 млрд. руб. должно дать «внебюджетное финансирование» [4].

«Оцифровавшая» таким образом российскую «аналоговую экономику», а по сути хрематистику, Программа естественно оказалась направлена на развитие в России именно хрематистики, а ее ключевым фактором стали «цифровые данные», до сих пор активно используемые и в российской «аналоговой экономике». В рамках этой Программы было определено пять доступных для понимания обывателем направлений – «Информационная инфраструктура», «Информационная безопасность», «Кадры», «Нормативное регулирование» и «Формирование исследовательских компетенций и технологических заделов», по каждому из которых был разработан детальный план мероприятий. Четыре из пяти планов – все за исключением направления «Кадры», по словам Никифорова Н., были утверждены на заседании

правительственной комиссии по информационным технологиям, при этом, как отмечает глава Комитета Государственной Думы РФ по информационной политике, информационным технологиям и связи Левин Л. «к представленным сегодня планам был высказан ряд замечаний, включая недостаточную проработанность решений в сфере кадров». По его словам, план мероприятий по этому направлению должен быть доработан до конца января 2018 г. Для развития Программы еще в сентябре 2017 г. была создана Автономная некоммерческая организация (АНО) «Цифровая экономика», учредителями которой стали крупнейшие компании России – Сбербанк, «Ростех», «Ростелеком», МТС, «МегаФон», «ВымпелКом», «Яндекс», Mail.Ru Group, 1С и др. Утверждается, что АНО «Цифровая экономика», которая является юридическим лицом, занимающимся извлечением прибыли, существует на деньги учредителей, а «только первый взнос с каждой из компаний-участников составил 5 млн. руб.». Предполагается, что самым затратным проектом, предусмотренным планами мероприятий по Программе, станет создание «Роскосмосом» глобальной системы спутниковой и сотовой связи за 299 млрд. руб., которая необходима в связи с невозможностью покрыть всю территорию России сотовой связью, при этом весь проект, по задумке его авторов, должен финансироваться исключительно из внебюджетных источников, которые затем, естественно, и разделят всю прибыль. В рамках развития информационной инфраструктуры Программой предусмотрено строительство в стране сетей 5G в промышленных зонах и создание единой сети авторизации пользователей Wi-Fi сетей. У Сбербанка, который возглавляет центр компетенций по направлению информационной безопасности, есть также и планы по организации в России Национального центра кибербезопасности – «куратора» существующих институтов в сфере информационной безопасности, который необходим из-за низкой эффективности текущих методов борьбы с киберпреступностью в стране. Кроме того, ряд инновационных проектов заложен в Программу в рамках направления по соз-

данию «технологических заделов» – это массовое внедрение технологии распознавания лиц, «подводный интернет вещей» и создание «системы управления дронами» [4]. Реализация такой Программы была начата в январе 2018 г. а сама эта Программа рассчитана на период до 2024 г. Более того в новом Правительстве в 2018 г. было специально сформировано соответствующее министерство, которое надо полагать, для реализации указанной «цифровой экономики» в России будет использовать так же и бюджетные деньги.

Отсюда следует, что сформулированные в Программе цели:

- по «созданию экосистемы «цифровой экономики» РФ, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан;

- созданию необходимых и достаточных условий институционального и инфраструктурного характера, устранение имеющихся препятствий и ограничений для создания и (или) развития высокотехнологических бизнесов и недопущение появления новых препятствий и ограничений как в традиционных отраслях экономики, так и в новых отраслях и высокотехнологичных рынках;

- повышению конкурентоспособности на глобальном рынке как отдельных отраслей экономики РФ, так и экономики в целом»

по своей сути направлены со значительным участием государства только на создание условий для дальнейшего обогащения предприимчивой части российского общества и иностранного капитала при наивном предположении, что как только они обогатятся, то должно сразу же наступить и всеобщее благоденствие большинства россиян.

Изложенное показывает, что перечисленные варианты смыслового наполнения словосочетания «цифровая экономика» в России не выдерживают критики, а потому требуют своего уточнения.

Действительно, если исходить из того, что понятие «цифровать» всегда буквально означало «обозначать цифрами» [15, С. 702], то, разумеется, можно «обозначить цифрами» «народное хозяйство данной страны или его части»; наверное, можно даже «оцифровать» «структуру финансово-материального состояния какой-либо отрасли хозяйственной деятельности», заменив «элементы и группы элементов» цифрами, наконец, с тем же успехом гарантировано можно «обозначать цифрами» и экономические (производственные, общественные) отношения, которые, как отмечалось выше, включают в себя «собственность» (присвоение), т. е. «отношение собственников к объектам собственности как к своим, как принадлежащим им и отношение несобственников к ним как к чужим, не принадлежащим им»³, на средства производства, составляющая их основу, а также отношения обмена и распределения» [17, С. 8]. Понятно, что такая «оцифровка» вряд ли может внести что-то новое в существо хрематистики, которая у нас воспринимается как «экономика» и которая во все времена представляла и представляет собой «искусство, создающее богатство и деньги» [16; 1, С. 7].

Другой вариант приложения «цифры» можно связать с применением теоремы Котельникова к российской «экономике», которая по факту является хрематистикой. Если предположить, что хрематистику в варианте российской «экономики» каким-то образом удастся представить в виде некоторой «непрерывной функции времени $f(t)$ », которая ограничена по полосе частот от 0 до W герц, и определить ее мгновенными значениями в моменты, отстоящие друг от друга на $\frac{1}{2W}$ сек., то такая дискретная последовательность ее ординат, также ничего не внося нового в существо хрематистики, и может быть названа именно «цифровой экономикой». Однако до сих пор представить российскую «экономику» в виде некоторой «непрерывной функции времени $f(t)$ » не только не удалось никому, но даже не было попыток сделать это. Отсюда следует, что использование теоремы Котельникова применительно к данному

³ Вставлено автором.

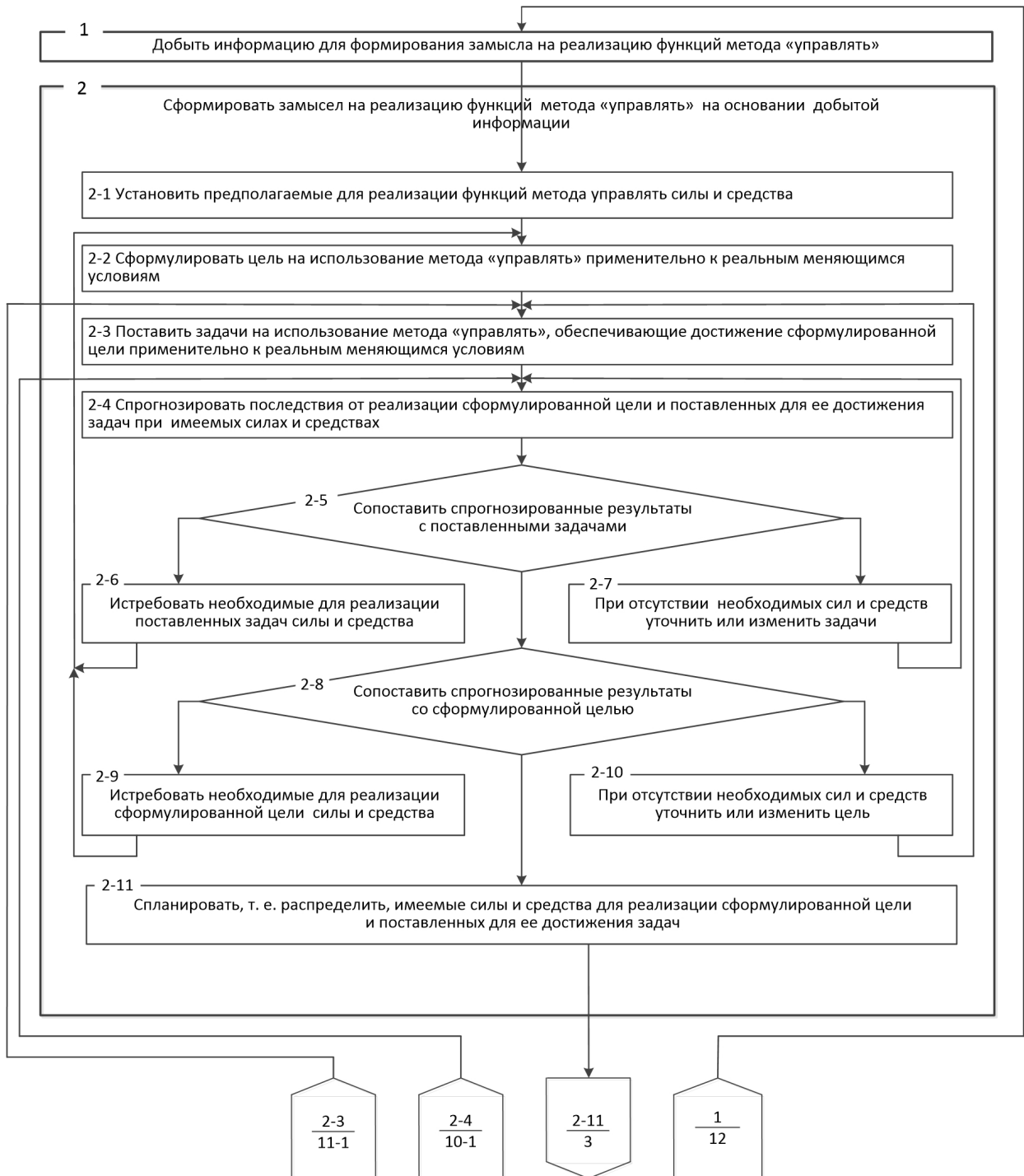
случаю оказывается в принципе невозможно, и словосочетание «цифровая экономика» под таким углом теоретического и практического смысла не имеют.

Изложенное показывает, что использованное в России словосочетание «цифровая экономика» – это всего лишь очередная «поддержка» хрематистики как таковой на уровне государства, реализующего с легкой руки великого Аристотеля (384–322 гг. до н.э.) три функции [10, С. 281]:

- 1) обеспечивать возможность для предпринимчивой части общества извлекать прибыль из остальной, большей его части;
- 2) поддерживать жизнедеятельность большинства учетом его менталитета на уровне, достаточном для извлечения из него прибыли;
- 3) стабилизировать такую ситуацию.

По этому основанию имеет смысл вообще отказаться от этого словосочетания и говорить только о применении «дискретной техники», которую в 60-е годы прошлого века называли просто «вычислительной техникой», и ее программного обеспечения. Подтверждением этому является тот факт, что еще во второй половине XX в. для нужд Военно-Морского Флота впервые стали готовиться в Высшем военно-морском училище радиоэлектроники им. А. С. Попова специалисты в этой области, которые получили специальность: «Применение ЭВМ и автоматизация управления силами флота».

К сожалению и в народном хозяйстве, и в военном деле дискретная техника активно использовалась лишь для автоматизации процесса принятия решений, который является одним из этапов процесса управления. Поэтому применительно к настоящему времени сферу применения «дискретной техники» в хозяйственных и иных процессах можно существенно расширить, обеспечивая автоматизацию всех этапов функциональной структуры, отображающей метод «управлять» (рис. 1) [8, С. 87–88]. Тогда организационная структура (рис. 2), реализующая такую функциональную структуру, будет включать в себя источники информации, устройства принятия решения и объекты управления [8, С. 92].

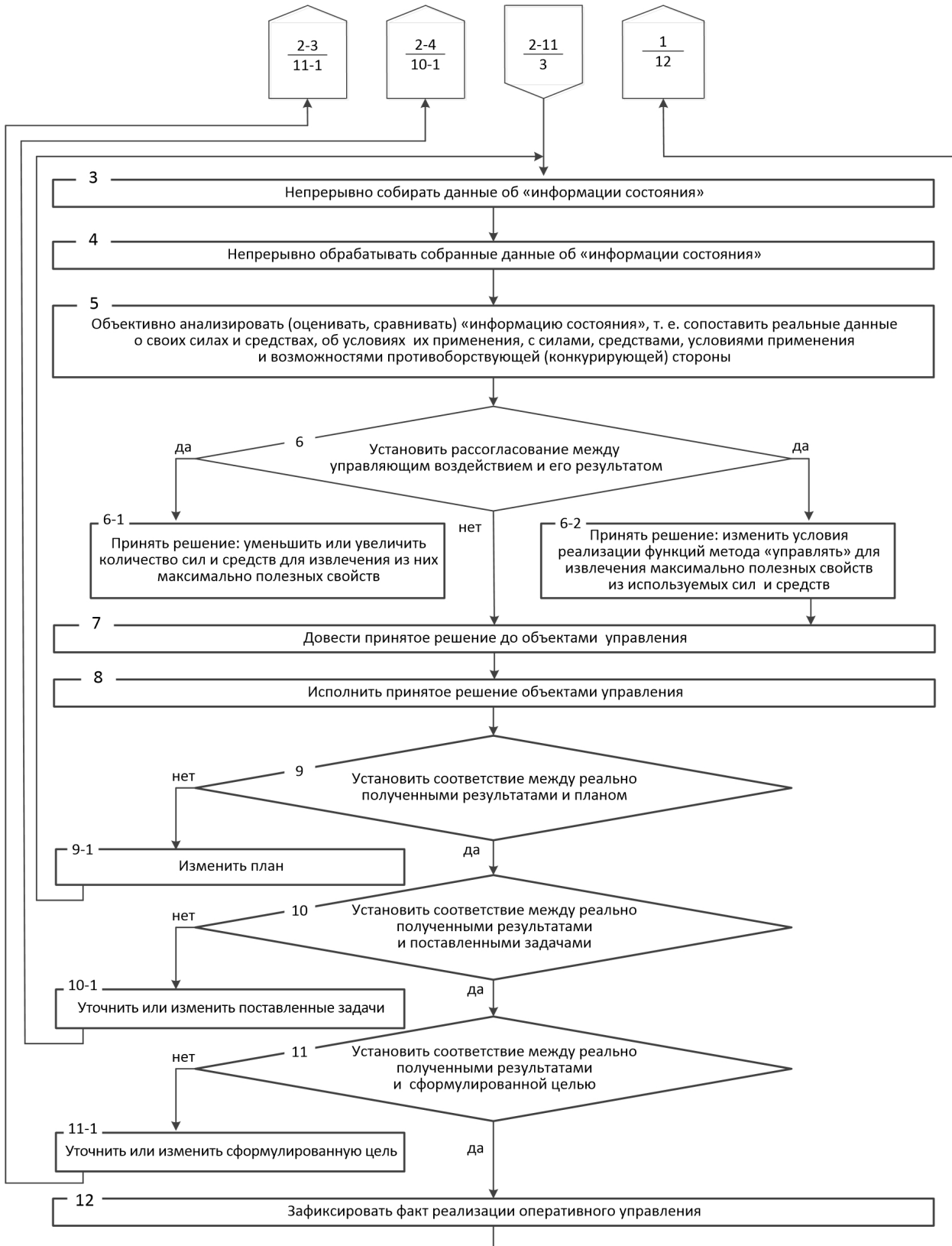

Рисунок 1 – Функциональная структура замкнутого управления

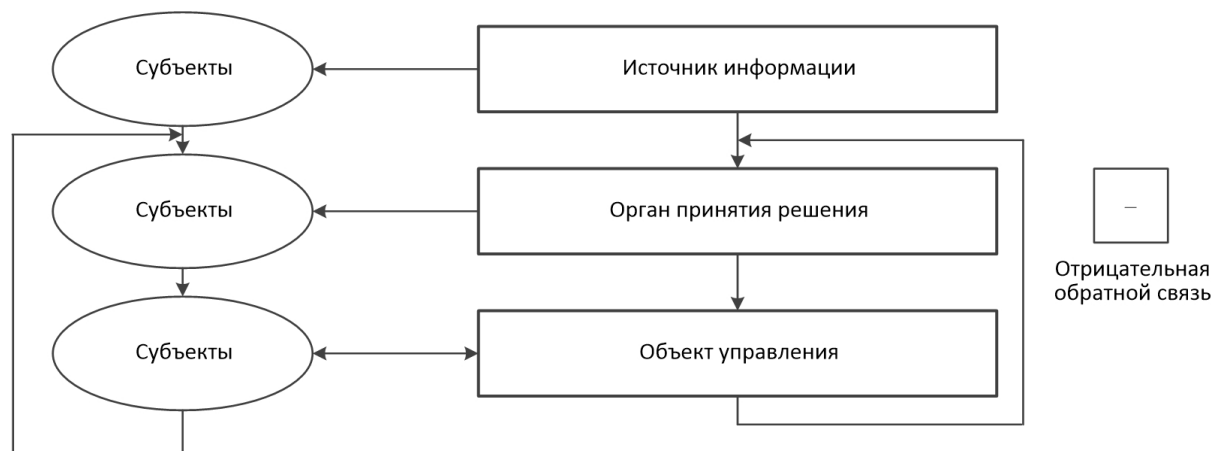

Рисунок 2 – Форма выражения содержания метода «управлять» по замкнутому циклу в варианте автоматизированной замкнутой организационной структуры

Как видно, узаконенное ныне в интересах предприимчивой части общества в России нормативными документами «новое», по сути, представляет собой «хорошо забытое старое»: дискретная техника и ее программное обеспечение издавна использовались и в военном деле, и для автоматизации различных сторон хозяйственной деятельности и, прежде всего, процесса управления ими.

Здесь следует, однако, отметить, что при создании автоматизированных систем управления затраты на автоматизацию отдельных этапов процесса управления далеко не всегда оправдывают себя и требуют глубокого научного обоснования.

Таким образом, узаконенное внедрение в России словосочетания «цифровая экономика», обеспеченное к тому же созданием соответствующего министерства, по своей сути, очередной раз формирует лишь весьма благоприятную основу для получения в рамках хрематистики прибыли предприимчивой частью общества, после окончательного обогащения которой должно будет наступить всеобщее благоденствие, при этом предпринимательские риски полностью гарантируются бюджетными средствами, а потому речь, безусловно, должна идти не о «цифровой экономике», а о применении дискретной техники и ее программного обеспечения для автоматизации различных сторон хозяйственной деятельности и

военного дела и, прежде всего, процесса управления ими с целью обеспечения интересов и общества, и его предприимчивой части.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия. 2-е издание. Т. 3. – М.: Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия», 1950. – 632 с.
2. Большая советская энциклопедия: 3-е издание [В 30-ти т.]. Т. 29 – М.: изд-во «Советская энциклопедия», 1972. – 640 с.
3. Варламов А. А. «Земельный кадастр: в 2 т. Т. 2 Управление земельными ресурсами. – М.: КолосС, 2044. – 528 с.
4. Путин: формирование цифровой экономики – вопрос нацбезопасности РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/4389411>
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 3: П – Р. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 576 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 4: С – V. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 576 с.
7. Домаков В. В. Теория права на основе сущностного признака – собственности. – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2014. – 283 с.
8. Домаков В. В. Философия методов «управлять», «регулировать» и модификации

метода «регулировать» – метода «править» – Наука. Промышленность. Образование. Культура. Формирование духовно-нравственного и физического воспитания нации // Материалы X съезда Петровской академии наук и искусств. Секция «Экономика. Управление социально-экономическими системами». – СПб.: Петровская академия наук и искусств. 2017. (29-30 сентября) 188 с. – С. 83–98.

9. *Домаков В. В.* Философия управления социально-экономической сферой в условиях изменений бытия XXI века. – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2013 – 348 с.

10. *Домаков В. В.* Философские аспекты управления социально-экономической сферой в меняющихся условиях хозяйствования. – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2012 – 307 с.

11. *Домаков В. В.* Экономико-хрематистическая теория обеспечения жизнедеятельности общества и его предприимчивой части в моделях социально-экономической сферы / Книга 4. Экономико-хрематистическая доктрина обеспечения жизнедеятельности и общества, и его предприимчивой части в эволюционной модели социально-экономической сферы и ее правовое обеспечение. – СПб.: Изд-во «Стратегия будущего», 2016 г. – 617 с.

12. *Матвеев В. В.* Теория управления. Учебное пособие. – СПб.: Некоммерческое партнерство «Центр молодежных программ «Стратегия будущего», 2006. – 290 с.

13. Ксенофонт. «Домострой» / Воспоминания о Сократе (включая «Апологию Сократа», «Пир» и «Домострой»). 2-е изд. // Серия «Памятники философской мысли». – М.: Наука. 1993. – 384 с.

14. *Negroponte N.* Being Digital / N. Negroponte. – NY: Knopf, 1995. – 256 p.

15. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: Около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л. И Скворцова. 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2013. – 736 с.

16. *Платон, Аристотель.* Политика. Наука об управлении государством. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 864 с.

17. Политическая экономия. Учеб. пособие для школ марксизма-ленинизма [руковод. авт. колл. А. Н. Малофеева, Ю. В. Яковец] – М.: Изд-во Политической литературы, 1967.

18. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Мысль, 1992. – 422 с.

19. *Фон Берталанфи Л.* Общая теория систем – критический обзор / В кн. Исследования по общей теории систем // Сборник переводов. – М.: Прогресс, 1969 г. – С. 23–82.

20. *Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетике / Пер. с англ. под ред. Р. Л. Доброшуна и О. Б. Лупанова с пред. А. Н. Колмогорова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – 829 с.

21. *Юдина Т. Н.* Осмысление цифровой экономики / Википедия. – 10 с.